

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ferdinand Liewehr. Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellungen. — Wien, 1955. 129 стр.

Рассматриваемая книга, принадлежащая перу известного специалиста по западно-славянским языкам, ученика Н. С. Трубецкого проф. Ф. Ливера, состоит из четырех отдельных очерков, посвященных некоторым вопросам сравнительно-исторической фонетики и морфологии славянских языков. Значительная часть материала, содержащегося в этих очерках, относится к восточнославянским языкам, что представляет для нас особый интерес.

В первом очерке книги, озаглавленном «Изменения лингвистических воззрений» («Wandlungen der Sprachbetrachtung»), Ф. Ливер, касаясь некоторых общих проблем исторического развития славянских языков, с большим сочувствием относится к телеологическому направлению в языкознании, которое он противопоставляет старому позитивному направлению (он имеет в виду в первую очередь младограмматиков) с его «атомистическими» приемами и механическим рассмотрением языка (стр. 11—13). Ф. Ливер целиком принимает учение об экспрессивном характере слов и форм, представляющих отклонения от закономерного фонетического развития (это учение было развито в работах Махка, Коржиника, Шпехта, Хаверса и Фасмера), причем понимает его очень широко. Экспрессивным характером слов он объясняет явления звукоподражательного характера, явления, связанные с особой значимостью предмета, обозначаемого соответствующим словом, различные явления, связанные со словесными запретами (табу) и т. п. Столь неоправданное преувеличение роли экспрессивных средств в развитии звуковой стороны языка вызывает серьезные возражения. Общеизвестно, что некоторые слова экспрессивного характера, прежде всего междометия, иногда могут кое в чем отступать от обычных фонетических норм. Но звуки и формы в целом изменяются закономерно, и именно это обстоятельство определяет характер звуковых изменений в языке.

В качестве примера отступления от закономерного фонетического развития в звукоподражательных словах Ф. Ливер приводит наличие в русском языке параллельных форм *бряцать* и *брянчать* (*бренчать*) на месте общеславянского *brěčati** (стр. 6). Формы с носовым согласным в корне рассматриваются Ливером как результат отступления от звуковых закономерностей (фонетически закономерно развивалась форма *бряцать*: общеслав. $\xi(<en)>$ русск. 'а); по его мнению, возникновение указанных глаголов связано с междометием звукоподражательного характера¹. Однако у нас нет оснований утверждать, что формы *бренчать*, *брянчать* (обе они являются, по-видимому, орфографическими вариантами) представляют собой какое-то отступление от закономерного фонетического развития. Как звукоподражательные формы с носовым могли вновь возникнуть в какой-то более поздний момент истории языка вне связи со старой формой *брѣчати*; при этом вовсе не обязательно было нарушать звуковые нормы соответствующей эпохи. Во всяком случае, у нас нет никаких данных, свидетельствующих о таком нарушении. Если слово возникло до падения редуцированных, оно могло иметь форму *бренъчати* (с редуцированными после *л*), если же оно возникло позднее (что вообще вероятнее), то сочетание гласного с носовым согласным в положении перед согласным было вполне возможно.

Переход форм множественного числа из твердого склонения в мягкое у существительных *чорт* и *сосед* в русском языке (ср. *соседи*, *черти* и т. д.) Ф. Ливер объясняет на основании явлений словесного табу. Сохранение у этих существительных старой формы именительного падежа множественного числа автор рассматривает как результат нежелания говорящих употреблять формы объекта вместо форм субъекта из страха перед сверхъестественными существами. Но ни о каком словесном запрете здесь не может быть речи. При установлении для формы именительного падежа множественного числа окончания *-у* вместо старого *-и* у говорящих уже и не могло быть представления о том, что форма на *-у* обозначает специально объект — ведь субъект и объект

¹ Здесь следует указать на существовавший в древнерусском языке параллельно с *бряцати* глагол *брѣчати*, спрягавшийся, по-видимому, по IV классу и фонетически развившийся из **brěčati* (<**brěčĕti*). Этот глагол засвидетельствован в Поучениях Иоанна Златоуста по рукописи XV в.

действия в эту эпоху формально уже не различаются и форма на -у употребляется одинаково для того и другого. В случае же необходимости отличия объекта от субъекта начинает употребляться родительный падеж не только в единственном числе, но и во множественном. Кроме того, Ливер совершенно забывает, что в московских памятниках и впоследствии в русском литературном языке (включая XVIII в.), наряду с *sosedi* и *чerti*, имеется еще и форма множественного числа *холопи*; в единственном числе слово *холоп* также склоняется по твердой разновидности, однако к нему предложенное Ливером объяснение неприменимо.

В фонологической части рассматриваемого очерка Ф. Ливер стремится применить при рассмотрении фонологических особенностей отдельных славянских языков в их развитии общие положения пражской фонологической школы, разработанные в первую очередь Трубецким и Якобсоном. Некоторые его соображения в этой области представляют несомненный интерес. Так, заслуживает внимания указание на различную фонематическую роль *г* и *ѣ* в различные периоды исторического развития чешского языка (стр. 14). Но в целом фонологические рассуждения автора вызывают серьезные возражения. В особенности это относится к постулируемой им связи фонологических исследований с телеологическим истолкованием явлений, имеющих место в звуковой стороне языка (стр. 13). Положение о целенаправленности звуковых изменений, объясняемых на основе фонемных отношений как движущей силы этих изменений, характерно для представителей пражской школы; это положение, например, отчетливо выражено в статье Р. Якобсона, посвященной принципам исторической фонологии¹. Но согласиться с данным положением мы не можем. Фонологические отношения, имеющиеся в языке, представляют собой достигнутый результат, но не движущую силу изменений. В основе фонетических изменений лежат определенные чисто фонетические причины (правда, мы не всегда в эти причины можем проникнуть), а не тенденции к восстановлению равновесия в фонологической системе или тенденции вообще преобразования этой системы в определенном направлении (как это неоднократно утверждал Р. Якобсон).

*

Основные тенденции изменения звуковой системы общеславянского языка, отражающиеся и в ранний период отдельной жизни различных славянских языков, те или иные частные случаи проявления этих тенденций рассматриваются во втором очерке книги, озаглавленном («Как объясняется согласованность звуковых процессов праславянской эпохи и раннего периода обособленного развития славянских языков?» («Wie erklärt sich die Gleichstimmigkeit der vor- und fröheinzelsprachlichen Lautprozesse des Slawischen?»)). Признавая вслед за Н. Ван-Бейком² основными фонетическими тенденциями общеславянского языка тенденцию к повышению сонорности на протяжении слога и тенденцию к ассимиляции по палатальности (действие этих тенденций продолжалось в период распада славянской общности и прекратилось лишь в ранний период жизни отдельных славянских языков), Ф. Ливер высказывает весьма интересные соображения по поводу фактов сохранения в некоторых славянских языках (древнепольском, кашубском, полабском) сочетания гласного с плавным в закрытом слоге. Эти факты автор связывает с высокой степенью сонорности *г*, *л* (стр. 24). Однако при этом остается неясным отношение Ливера к развитию сочетаний редуцированных с плавными в закрытом слоге в различных славянских языках, особенно в русском, а в этой области наблюдается много интересного, причем многие вопросы окончательно еще не решены³. Вообще тенденция к повышению сонорности на протяжении слога со всеми частными явлениями, связанными с ней, рассмотрена слишком суммарно и без детального исследования хронологических отношений частных явлений, без чего не может быть решена самая проблема становления и распространения этой тенденции. Так, Ливер лишь упоминает о монофтонгизации дифтонгов, но не исследует ее с точки зрения относительной хронологии. Между тем уже давно было отмечено, что не все дифтонги монофтонгизировались одновременно⁴.

¹ R. Jakobson, *Prinzipien der historischen Phonologie*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931.

² См. N. van Wijk, *Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*, Bd. I, Berlin—(Leipzig, 1931).

³ Из последних работ в этой области см., например, содержащую очень интересные соображения работу В. Н. Сидорова «Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI в.» («Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. II, М., 1953). Относительно развития дифтонгов с плавными в различных славянских языках ср. также R. Jakobson, *On slavic diphthongs ending in a liquid*, «Slavic word», № 1 («Word», vol. 8, № 4), 1952.

⁴ О более ранней монофтонгизации однородных дифтонгов (типа *ou*, *ei*) по сравнению с разнородными (типа *oi*) см. В. А. Богородицкий, *Сравнительная грамматика арио-европейских языков*, вып. 1, Казань, 1914, стр. 137. На позднюю монофтонгизацию *oi*, давшего *ѣ*, указывают явления второй палатализации.

Ф. Ливер уделяет много внимания действию древнейших славянских акцентологических законов, связывая его с тенденцией к повышению sonorности на протяжении слога (в результате которой, например, становится возможным лишь восходящее по тону ударение на внутренних слогах). Но здесь еще остается много спорного. Во-первых, возникает вопрос, что считать повышением sonorности в акцентном отношении. Мы знаем, что не всегда направление движения тона совпадает целиком с направлением движения интенсивности (примером этому может служить описанное Ф. Лоренцом словянское ударение); во-вторых, самая тенденция к повышению sonorности на протяжении слога представляет собой результат ряда частных изменений, осуществившихся в очень различные эпохи, часть же передвижений, которые имеет в виду Ливер, относится к достаточно раннему времени. В вопросах акцентологии Ливер вообще следует классической трактовке акцентных отношений и их преобразований на почве общеславянского языка, согласно которой все слоги слова (в том числе и безударные) характеризовались в музыкальном отношении. При этом он оставляет без внимания во многом спорную, но очень интересную гипотезу Е. Куриловича относительно характера древнего индоевропейского ударения и ударения в отдельных группах языков, в том числе в славянской¹. А между тем идея развития музыкальных различий лишь на ударных слогах и объяснения изменений места ударения вне зависимости от музыкального качества слога безусловно заслуживает внимания.

Особое внимание проблемам акцентологии Ливер уделяет в четвертом очерке своей книги (стр. 96—102), где он рассматривает многие отдельные вопросы акцентологии славянских, в особенности восточнославянских, языков. В частности, автор (см. стр. 98—102, прим. 1) с полным основанием возражает Р. Якобсону, который считал несомнимыми сподручное экспираторное ударение и свободное количество (т. е. количественные различия, позиционно не обусловленные), с одной стороны, и корреляцию движения тона (т. е. интонационные отношения в пределах слова) и корреляцию собственного тона согласных (т. е. фонематическое противопоставление твердых и мягких согласных), с другой. В то же время возражения Ливера недостаточно убедительны. По мнению Ливера, указанное положение опровергается фактами русского языка, где противопоставлениям согласных по твердости и мягкости устанавливались тогда, когда язык располагал и интонационными различиями. Однако вопрос об установлении противопоставления твердых и мягких согласных излагается в слишком общей форме, причем совершенно не уделяется внимания спорным вопросам, связанным с хронологией установления этой корреляции для различных позиций. Так, например, устанавливали эту корреляцию, между прочим, и на основании таких отношений, как **sadu* (дат. падж. ед. числа от **sady*) — **s'adu* **sədo* (1-е лицо ед. числа глагола), Ф. Ливер совершенно не ставит вопроса о том, на чем было основано первоначально звуковое выражение различия этих форм: на различии согласных или на различии гласных; ведь возможно, что первоначально, и даже в эпоху, уже засвидетельствованную памятниками, противопоставлялись не *sadu* — *s'adu*, а *ādu* — *sadu*, причем *ā* в обоих случаях было несмягченное².

Говоря о тенденции к ассимиляции звуков внутри слога, ведущей к палатализации согласных, Ф. Ливер рассматривает различные случаи палатализации заднеязычных согласных в соседстве с гласными переднего ряда, случаи палатализации всех согласных в сочетании с *i*, развитие полумягкости согласных (*leichtpalatale Aussprache*) и случаи позиционного передвижения задних гласных в передний ряд. Автор устанавливает четыре палатализации заднеязычных, из которых он считает общеславянскими лишь три (стр. 26—27). То явление, которое Ливер называет четвертой палатализацией, вряд ли заслуживает такого названия. Сюда относятся различные случаи звукоподражательного характера, т. е. такие, как, например, церк.-слав. *звиздати* «свистать», русск. диалект. *звиздять*, серб. *звизда* «свист», русск. *свистать*, чеш. *svístiti*, *svíst* при *chvístati* и т. п. (стр. 29, прим. 10), которые сам Ливер считает отступлениями от звуковых законов. Несомненно, что эти случаи не представляют собой закономерно осуществляющихся изменений. Сложный вопрос об относительной хронологии второй и третьей палатализации не рассматривается в рецензируемой книге, хотя в науке по этому поводу существуют различные мнения³. Следует заметить, что мнение относительно более поздней палатализации заднеязычных перед передними гласными дифтонгического происхождения и мнение о более раннем осуществлении ее после известных гласных переднего ряда подтверждается далеко не всеми фактами язы-

¹ См. J. K u r y ł o w i c z, L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952.

² Ср.: Л. Л. В а с и л ь е в, С каким звуком могла ассоциироваться буква «неоти-
рованный юс малый» (ѣ) в сознании писцов некоторых древнейших русских памят-
ников?, РФВ, т. LXIX, № 1-2, Варшава, 1913; Н. Д у р н о в о, К истории звуков
русского языка, II — Старославянские смягченные согласные в Архангельском Еван-
гелии, «Slavia», гош. II, seš. 4, 1924.

³ Ср. об этом примечания автора настоящей рецензии к книге А. М е й е «Обще-
славянский язык» (перевод с франц., М., 1951, стр. 432).

ка. Возможно, что палатализация заднебных в свистящие в рассмотренных положениях осуществлялась одновременно, и таким образом правильное было бы говорить лишь о первой и второй палатализации, не выделяя особо третью.

Не все положения автора относительно фонетических процессов, явившихся результатом сочетания согласных с последующим *j*, можно считать достаточно обоснованными. Говоря о развитии смягчения в сочетаниях *tj*, *dj*, *kt*¹, автор полагает, что такие сочетания дают *t't'*, *d'd'*, т. е. двойные палатализованные зубные взрывные согласные. Эти два согласных в болгарской области были отделены друг от друга реаккой артикуляционной границей (имеется в виду, очевидно, слоговая граница, ибо ни о какой иной артикуляционной границе в данном положении не может идти речь). В результате этого между ними развивался неустойчивый (flüchtig) фриктивный согласный подобного по органу образования, т. е. сочетания являлись в виде *t's't'*, *d'z'd'*, затем изменившихся в *žt'*, *žd'* (согласно правилу, по которому в случае наличия сибиланта, окруженного двумя взрывными, первый взрывной терялся). Трудно согласиться с таким представлением о ходе данного фонетического процесса. Развитие слоговой границы между двумя взрывными вряд ли возможно. Скорее еще на общеславянской почве здесь развивался долгий взрывной согласный (*t'*, *d'*), который при размыкании сопровождался фриктивным элементом (шипением для южной и восточной группы, свистящим для западной); в болгарском же языке, кроме того, развивался шипящий элемент перед согласным (вероятно, в результате изменения положения языка при переходе от артикуляции предшествующего гласного к артикуляции рассматриваемого согласного). Затем, в результате диссимилиации, терялся второй фриктивный элемент. Именно такой путь развития наблюдается в юго-западных болгарских, македонских и албанских говорах, где глухому сочетанию *žtš* соответствует звонкое *žd'* с утратой второго фриктивного².

Безусловно ценной является попытка Ливера определить, правда, в самых общих чертах, абсолютную хронологию рассматриваемых явлений. По его мнению, обе рассмотренные тенденции действовали в период общей жизни славян не позднее III века.

*

Некоторым вопросом образования и развития славянских простых прошедших времен — аориста и имперфекта — посвящен третий очерк, озаглавленный «И образованию славянских прошедших времен» («Zur Bildung der slawischen Präterita»). В этом очерке Ливер уделяет много внимания развитию личных окончаний аориста. Объясняя возникновение аористных форм 2-го и 3-го лица единственного числа на *-tš*, *-stš*, он опирается на положение, согласно которому различие в употреблении первичных и вторичных окончаний 3-го лица единственного и множественного числа уже в раннюю эпоху существования общеславянского языка было сильно затемнено, а в известных границах и вообще уничтожено, т. е. наблюдались колебания между **-tš* и **-t*, **-ntš* и **-nt* (стр. 45). *t* в окончаниях **-tš*, **-ntš* в положении перед *i* (а затем перед *ъ* < *i*) произносилось с легким смягчением, в конкурировавших же с данными окончаниях **-t*, **-nt* это *t* было твердым. Под влиянием этих последних в окончаниях настоящего времен **-tš*, **-ntš* восстанавливалось твердое *t*, с отвердением которого необходимо было связано замещение *ъ* (< *i*) посредством *ъ*. Таким же образом объясняет автор старославянское *-tš* в формах настоящего времени (стр. 45) и развитие твердого *-t* в севернорусском наречии (стр. 46). Распространение в аористе форм на *-tš* приводит Ливера к заключению о возможной борьбе окончаний также в области прошедших времен и о возможном распространении некогда и здесь окончаний **-tš*, **-ntš* (стр. 47).

Взаимодействие между первичными и вторичными окончаниями еще на общеславянской почве, несомненно, обнаруживается. В 1-м и 2-м лице множественного числа и во всех лицах двойственного числа мы вообще уже не находим на славянской почве различий между первичными и вторичными окончаниями. Ливер, к сожалению, не пытается уточнить, в каких именно категориях это взаимодействие является в 3-м лице общеславянским, хотя попытки такого уточнения в прошлом делались. Так, А. М. Селищев тридцать лет назад указывал на возможное отсутствие у глаголов с основой на *-e* (т. е. I спряжения) *-t* в единственном числе еще на общеславянской почве³. В связи с указанием А. М. Селищева следует заметить, что напрасно Ливер выводит 3-е лицо множественного числа *nesou* в чешском языке из форм, восходящих к формам на **-nt*. Эта форма восходит к форме на **-ntš* (*-tš* на общеславянской почве дало *-tš*); отпадение *-t* здесь произошло позднее аналогическим путем, на что указывает долгота конечного гласного⁴.

¹ Ливер говорит об *i* (см. например, стр. 30), но для рассматриваемой эпохи лучше принять *j*, исторически, конечно, восходящее к *i*.

² См. А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. I, М., 1951, стр. 320.

³ См. А. М. Селищев, [Реч. на кн.:] Н. Дурново, Очерк истории русского языка, М., 1924... — ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 328—329.

⁴ См. А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, М., 1941, стр. 116.

Из других положений очерка представляется невероятным допускаемое Ливером отвержение полумягкого *t* в окончаниях **-ti*, **-ni*, (или уже **-tb*, **-nti*) под влиянием форм на **-t*, **-nt* с последующим изменением конечного *-b>-t*. В ту эпоху, когда происходили предполагаемые Ливером изменения, гласные *э* и *ь* фонематически противостояли друг другу. Различия твердого и полумягкого согласного зависели исключительно от последующих *э* и *ь*, причем это были различия даже не вариантного, а вариационного характера (пользуясь терминологией московской фонологической школы). Совершенно невероятно, чтобы такие различия могли быть устранены в результате аналогического воздействия. Ведь в ту эпоху, о которой говорит Ливер, полумягкость была последовательно проведена повсюду в соответствующей позиции. В таких случаях обычно аналогические воздействия не осуществляются. Ср., например, отсутствие в русском языке замены глухого согласного звонким на конце слова в именительном падеже единственного числа существительных мужского рода, хотя звонкий согласный наблюдается в конце основы в косвенных падежах. Ср. также отсутствие замены в аяющих русских говорах в первом предупредном слоге звука *а* на *о* при произнесении *о* в ударном положении. Таким образом, объяснение, предложенное Ливером для появления *-tb* вместо *-tb* в 3-м лице для старославянского языка, совершенно неприемлемо. Столь же неприемлемо оно и для объяснения отверждения *-t* в 3-м лице в северновеликорусском наречии.

Заслуживают внимания замечания автора по поводу некоторых отдельных форм. Ср., например, соображения по поводу возведения форм *dastъ*, *bystъ* к **dadъ*, **bydъ*, представляющим собой старой имперфект, и по поводу возможности возведения аористных форм 2-го — 3-го лица единственного числа *ču-*, *moli-*, *mrě-*, *žę-* к формам несигматическим (стр. 48—49). Заслуживает внимания указываемая Ливером возможность возведения формы инфинитива фонетически к **žiti* (ср. 2-е — 3-е лицо ед. числа аориста *живе* параллельно с *жи* — стр. 53). Здесь возникает очень интересный теоретический вопрос о поведении в непосредственном взаимном соседстве двух сонантов одного порядка *-i, -i* (правда, в данном случае они разнородны в количественном отношении), на котором автор, к сожалению, не останавливается.

Ф. Ливер, как и большинство лингвистов, считает славянский имперфект, подобно латинскому, результатом сложения двух некогда самостоятельных элементов, первым из которых было действительное причастие настоящего времени (стр. 64—65). Поскольку эта первая часть еще в общеславянском языке оканчивалась на *ě (>ě)*, тогда как соответствующие причастия имели иные формы, автор обращается к различным явлениям конца слова и, в частности, останавливается на известном различии по разным славянским языкам падежных окончаний в склонениях с основой на *-jo-* и на *-ja-*, состоящем в том, что южнославянскому *-ę* соответствует западнославянское и восточнославянское *-ě*. Как предполагает Ливер, носовое качество *-ę*, образовавшегося в слове поднисходящим ударением перед конечным *s*, не везде в славянской области обнаруживало одинаковую интенсивность, вследствие чего в части диалектов имела место деназализация *-ę>-ā*, которое и является в виде *-ě* (ср. вин. падеж мн. числа ст.-слав. *ножъ*, вост.-слав. и зап.-слав. **nožě*) (стр. 66—67). По-видимому, автор предполагает, что это произошло еще в тот период, когда в восточнославянской области *ě* было представлено широким гласным¹. Изменение *ě>-i* не должно было захватить конечный гласный причастной формы, так как он перестал быть конечным, когда образовалось сложение, что имело место раньше изменения *ě>-i* (стр. 72). Эти соображения представляют определенный интерес, хотя относительно гипотезы об образовании имперфекта с использованием в первой части причастия в форме именительного падежа единственного числа следует сказать, что она остается окончательно не обоснованной. У нас все же нет прямых указаний на наличие в какую-то эпоху на общеславянской почве формы типа **nesě*². Кроме того, следовало поставить вопрос, к какому времени вообще относится образование носовых гласных в закрытом слоге на славянской почве. Все рассуждения Ливера требуют очень раннего их образования.

Разобрав различные предположения относительно второй части сложения, Ливер приходит к выводу, что в основе ее лежит старый безаугментный имперфект от **es* «быть», так же, как в греческом гомеровском *ἔον* < **esom* «я был» (стр. 72). Восстанавливаемое для общеславянского языка **-achъ* (ср. **nesěachъ*) является в результате раз-

¹ При таком объяснении возникает вопрос, действительно ли, если даже принять классическую трактовку интонаций конечного слога, конечные слоги соответствующих форм характеризовались пиркумфлексом, как это необходимо для объяснения Ливера. Литовское *rankàs* (< **rankins*), вин. падеж мн. числа склонения на **-ā*, указывает как будто на акут, ср. также и греческое *θεῖας < θεῖνς*.

² В недавно опубликованной обширной работе, посвященной славянскому имперфекту, Х. Карстин в качестве возражения Ливеру указывает, между прочим, на то, что предположение об *-ě* в первой части противоречит окраске *о* старославянской парадигмы причастия, а также парадигм других славянских языков и наличию **o* в германских и балтийских языках (См. Н. Karstien, Das slav. Imperfekt und seine idg. Verwandten, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXV, Heft 1, 1956, стр. 84).

выгипа приступа перед *e-* и изменения *e > ѣ(ě)* по ассимиляции к конечному гласному первой части. Сигматический исход был замещен посредством *-chъ* под влиянием подобных форм в слабом аористе, а *j* было утрачено в интервокальном положении (стр. 73). Наличие старославянского *bъхъ* с флексией аориста и употреблением в значениях имперфекта приводит Ливера к предположению, что не все краткие (т. е. станытые) формы имперфекта произошли лишь в позднейшее время и что объединение обеих частей имперфекта в ограниченном объеме было возможно еще до развития приступа *j-* перед начальным *e-* (стр. 75). В связи с вопросом об утрате начального *j-* во втором элементе сложения имперфекта автор останавливается на подобном явлении (утрате интервокального *j*) в местоименных прилагательных и определяет относительную хронологию обоих сложений, устанавливая более позднюю эпоху образования указанных прилагательных сравнительно с имперфектом, поскольку в образованиях последнего мы совершенно не находим форм с *j* (стр. 76).

Некоторым вопросам исторического развития звуковой системы древних восточнославянских наречий посвящен четвертый очерк, озаглавленный «Соображения относительно древневосточнославянского звукового развития» («Betrachtungen zur altostslawischen Lautentwicklung»). Касаясь в начале очерка вопросов первоначального разделения восточнославянских наречий, Ф. Ливер безоговорочно (за исключением некоторых частностей) принимает гипотезу Н. С. Трубецкого, согласно которой современное тройное подразделение восточнославянских языков на русский, белорусский и украинский восходит к старому подразделению восточнославянской области на две части — северную и южную. Между тем концепция Трубецкого вызывает очень серьезные возражения; она была подвергнута весьма обстоятельной критике покойным А. М. Селищевым¹.

Заслуживающей внимания является попытка Ф. Ливера наметить хронологическую связь между языковыми явлениями, приводящими к современному тройному подразделению восточнославянской области на русский, белорусский и украинский языки, и историей соответствующих земель. Он считает не случайным, что звуковые процессы, приводящие к этому подразделению, начали осуществляться именно в то время (т. е. приблизительно со второй половины XII в.), когда посредством все усиливающегося притока населения из области Среднего Поднепровья Московская область была окончательно включена в восточнославянскую языковую сферу (стр. 90). Он думает, что лишь благодаря этому притоку устанавливаются широкие и прочные связи между обеими древневосточнославянскими языковыми зонами (соответствующими древнему двойному делению восточнославянской области) и областью Суздаля, Ярославля, Ростова, Костромы и пр., куда в более раннее время имел место приток населения из Новгородской земли. Однако автор ничего не говорит о том разобщении юго-западных и северо-восточных областей, которое хотя намечалось и в более раннее время, но особенно усилилось после вторжения монголов и установления зависимости Руси от Золотой Орды. А ведь возникновение многих фонетических и морфологических явлений, отличающих русский язык от других восточнославянских, относится именно к этому периоду. Ничего не говорит Ливер и о сложных процессах формирования русского языка, о той роли, какую сыграли в формировании его наряду с говорами старой Ростово-Суздальской земли говоры территорий, расположенных к югу от Москвы.

Рассматривая те или иные древнейшие фонетические процессы, по-разному преломляющиеся в различных частях восточнославянской области, Ф. Ливер останавливается на падении редуцированных и на утрате старых акцентных и количественных отношений, а также на ряде других явлений, так или иначе связанных с этими процессами. Следует прямо сказать, что русский диалектологический материал известен Ливеру плохо. Не говоря уже о том, что он, конечно, не имел возможности ознакомиться с материалами, собранными за последние годы, автор не обнаруживает достаточного знакомства и с материалами, опубликованными уже несколько десятилетий тому назад, а также с данными памятников письменности.

Говоря о падении редуцированных, Ливер отмечает (в соответствии с общепринятым мнением), что оно, как и утрата количественных различий гласных, распространяет-

¹ См. А. Селищев, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», год. VII, seš. 1, 1928. Следует сказать, что некоторые из положений Трубецкого находят отголосок и в недавних работах советских лингвистов; я имею в виду предположение Р. И. Аванесова относительно сохранения северо-западными восточнославянскими говорами сочетаний согласных *tl*, *dl* (с последующим изменением их в *kl*, *gl*) от общеславянского времени [см. Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, ВЯ, 1955, № 5, стр. 25].

сив восточнославянской области с юга на север. Однако утрата количественных различий, по Ливеру, осуществлялась быстрее и закончилась раньше, чем падение редуцированных. Этим и объясняется, что изменение в дифтонги старых *e, o* (и последующее изменение этих дифтонгов в части наречий в *i*) осуществилось лишь в украинском языке и в южнобелорусских говорах (стр. 91—92). Вряд ли такое объяснение является убедительным. Если на севере, в Новгородской области, были говоры, где редуцированные держались еще в начале XIII в., то, несомненно, в некоторых говорах и здесь редуцированные терялись уже в конце XII в. Так, грамота Варлаама Хутынского, относящаяся или к последним годам XII в., или к первым годам XIII в., уже обнаруживает падение редуцированных. Между тем на юге количественные различия во второй половине XII в. еще держались. Возникает вопрос, к какой же эпохе отнести падение редуцированных в северной области, если даже в тех говорах, где редуцированные пали в конце XII в., они никак не отразились на изменении *e, o* в новых закрытых слогах. Остановившаяся в связи с вопросом о количественных отношениях и о заместительном удлинении, отразившемся в украинском языке и южнобелорусских говорах, на различии в развитии полногласных сочетаний и начальных сочетаний гласного с плавным перед согласным (стр. 92—93), Ливер обходит стороной некоторые очень существенные вопросы, например, вопрос о возможном удлинении второго элемента полногласного сочетания (фонетического, а не аналогического) под новым акцентом¹.

Утрата старых интонационных отношений (т. е. отношений старого политонического ударения), по Ливеру, также распространяется с юга на север. Доказательство более поздней утраты этих отношений на севере он видит в том, что *ѣ* под восходящим ударением развилось лишь в русском языке, так как в ту эпоху, когда имела место тенденция к такому изменению *ѣ* под восходящим ударением, на юге музыкального ударения уже не было. Однако при подобном объяснении, во-первых, приходится допустить, что такая тенденция должна была начать действовать повсюду в одно и то же время: ведь если предположить, что она раньше начала действовать на юге, она легко привела бы к образованию такого *ѣ* и там (если она действовала в то время, когда старые интонационные различия еще сохранялись). Во-вторых, для юга не приходится вообще предполагать какую бы то ни было тенденцию к образованию *ѣ* под восходящим ударением, поскольку прежних музыкальных отношений и, следовательно, восходящего ударения в ту эпоху, когда эта тенденция проявляется, на юге уже не было.

Рассматривая ассимиляцию *j* предшествующему палатальному согласному, развивающуюся после падения редуцированных в украинском, а также в белорусском языке (т. е. случаи типа *жумтѣ* < **žitje*), Ливер объясняет отсутствие этого явления в русском языке опять-таки более ранним падением редуцированных на юге, чем на севере. На юге падение редуцированных, по его мнению, осуществилось в то время, когда еще действовала тенденция ассимиляции предшествующему палатальному согласному; на севере же эта тенденция в эпоху падения была уже утрачена (стр. 102). Но ведь результаты украинской и белорусской ассимиляции носят совершенно иной характер по сравнению с фонетическими процессами общеславянской палатализации сочетаний согласных с *j* (типа **tj* > вост.-слав. *č*'), и нет никаких оснований сближать эти процессы во времени. Ради точности следует, кстати, сказать, что ассимиляция, подобная украинской и белорусской, наблюдается и в некоторых русских говорах, территориально далеких от украинского и белорусского языков².

Далее автор рассматривает судьбу *ѣ* в сочетании с предшествующим *j* и судьбу сильных *ѣ, ѥ* в положении перед *j*. Соображения Ливера относительно положения начального сочетания *jѣ* перед согласным, в котором *ѣ* обладал факультативной слоговостью (утраченной в случаях типа *грати, гбѣла*), представляются правдоподобными, хотя и нуждаются в более детальной разработке. Заслуживает внимания, хотя и не может считаться окончательно доказанным, предположение Ливера о том, что сужение *ѣ, ѥ* в положении перед *j*, т. е. изменение их в редуцированные *й, ѣ*, не было явлением общевосточнославянским, но имело место лишь в основных диалектах украинского и белорусского языков, и то некоторыми ограничениями (стр. 105—106). В то же время остается не вполне ясным, почему он в таком случае считает, что в русском языке сильные *ѣ, ѥ* перед *j* развились из *у, i*.

Конечное *ѣ* после сочетаний *ѣ, ѣ*, по мнению Ливера, особенно рано утрачивалось, причем поведение *ѣ, ѥ* (*й, ѣ*) в указанных сочетаниях зависело от нахождения их перед таутосиллабическим или гетеросиллабическим *j*. На месте *ѣ* или *ѥ* перед гетеросиллабическим сочетанием *j* с последующим *ѣ* в русском языке фонетически развилось *о, е*, перед таутосиллабическим же *j* возникло *у, i*. Ранняя утрата в этих условиях представляется фонетически вполне возможной, но при объяснении различных результатов развития *ѣ* и *ѥ* перед *j* Ливеру постоянно приходится обращаться

¹ См. об этом Л. А. Булаховский, Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 6.

² См. А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, вып. 1, Иркутск, 1921, стр. 221—223.

к аналогическим выравниваниям. Некоторые случаи, рассматриваемые Ливером как результат аналогии, правдоподобны и заслуживают внимания. Ср., например, объяснение укр. *той* (оцей), также *сей* из **teje*, **stej* вместо ожидаемых *tyj*, *syj* (по-видимому, вместо *sij*?—П. К.) под влиянием форм типа *того*, *тому*, *сего*, *сему* и т. п. (стр. 110—111).

Останавливаясь на вопросе об отвердении согласных в украинском языке, Ф. Ливер полагает, что отвердению подвергаются полумягкие согласные в положении перед *e*, *i*, что влечет за собой и отверждение вполне смягченных согласных в этих же условиях (стр. 115). Это отверждение осуществлялось лишь в украинском языке, в остальной же части восточнославянской области согласные слегка смягченные (т. е. полумягкие) уже изменились во вполне смягченные в то время, когда происходило это отверждение. Однако такое предположение вряд ли правомерно. Есть основание думать, что все дальше идущее смягчение согласных в положении перед гласными переднего ряда охватывало некогда всю восточнославянскую область. Известно, что в положении перед *ь*, *ѣ*, *а* < *е* смягчение имело место и в украинском языке, и, по-видимому, положение перед *i* не было исключением, хотя, возможно, смягчение перед *e* осуществлялось позднее. В связи с этим заметим, что нет никаких оснований полагать, как делает Ф. Ливер вслед за Э. Сиверсом¹, что в подлиннике «Слова о полку Игореве» уже отразилось отверждение согласных².

Очень суммарно и поверхностно, без привлечения необходимой литературы Ф. Ливер рассматривает вопрос об изменении *e* > *о* в восточнославянской области, о русском и белорусском аканье и вообще о редукции безударных гласных в русском языке. Автор останавливается и на некоторых общеизвестных случаях аналогического о после мягкого согласного на месте древнего *ѣ* в русском языке (стр. 124), а также на идущих из церковнославянского языка случаях сохранения *e* (стр. 124—125). Конечное *о* < *e* в таких случаях, как *лицѡ*, *белѣѡ*, Ливер объясняет как результат sandhi (стр. 125). Между тем здесь, как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, скорее всего имело место аналогическое обобщение по твердой разновидности склонения: ведь конечное *о* < *e* почти исключительно является в форме именительного и винительного падежей единственного числа существительных среднего рода. В пользу такого обобщения говорит и собранный за последние годы — главным образом по южновеликорусским говорам — материал, где зафиксирован переход *e* > *о* в окончаниях соответствующих парадигм и не на конце слова в говорах, не знающих фонетического изменения *e* > *о*.

Сведения, какие сообщаются (и то попутно) относительно аканья и вообще относительно редукции в русском языке, настолько поверхностны, что на них не стоит и останавливаться. Странное впечатление производит то обстоятельство, что, говоря о различных типах нашего безударного вокализма, Ливер находит возможным сослаться лишь на статью С. П. Обнорского в «Zeitschrift für slavische Philologie» и ни слова не говорит о классификации типов аканья, разработанной Н. Н. Дурново. Следует к тому же сказать, что автор, по-видимому, даже не разграничивает аканья и яканья. Так, говоря о диссимилативном аканье обоянского говора, он имеет по существу в виду, как показывают приведенные примеры, диссимилативное яканье (стр. 94, прим. 9). Исследованиями последнего времени, правда, установлен определенный параллелизм в развитии вокализма первого предударного слога после мягких и после твердых согласных в аканяющих говорах³, но Ливер материалы такого рода не привлекает.

Подводя общий итог, следует сказать, что в книге имеются отдельные заслуживающие внимания положения, интересные объяснения отдельных фактов. Заслуживает всяческого внимания стремление автора вскрыть общие закономерности развития исследуемых явлений, определить хронологические отношения их. Вместе с тем в некоторых случаях Ф. Ливеру не хватает достаточно глубокого знакомства с конкретным языковым материалом (особенно по восточнославянской области).

П. С. Рязнецов

¹ См. «Das Igorlied», metrisch und sprachlich, bearb. von E. Sievers, Leipzig, 1926.

² Критику исследования Э. Сиверса см.: O. Broch, Eduard Sievers' Untersuchungen auf slavischem Gebiet, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», Bd. IV, Oslo, 1930.

³ См. Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.